

Джон Кристофер
Город золота и свинца
Серия «Триподы», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=134097
Огненный бассейн: АСТ; Москва; 2002
ISBN 5-17-015306-6

Аннотация

Джон Кристофер – признанный классик английской научной фантастики, дебютировавший еще в 50-е годы XX века и впоследствии по праву занявший высокое место в мировой фантастике.

Отечественному читателю творчество Кристофера знакомо в основном по переведенным еще в 60-е – 70-е годы рассказам, однако истинную славу ему принесли **романы**. Романы, достойно продолжающие традиции классической британской «фантастики катастрофы», идущие еще от Герберта Уэллса. Романы, сравнимые по силе воздействия только с произведениями Джона Уиндэма...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Джон Кристофер

Город золота и свинца

Глава 1

Трое избранные

Однажды Джулиус созвал совещание инструкторов, и все тренировки прекратились. Мы втроем – Генри, Бинпол и я – решили использовать свободное время для исследования верхних уровней тоннеля. Мы взяли на кухне продукты, с полдюжины больших, медленно сгорающих свечей и двинулись вверх по долгому извилистому склону от пещеры, в которой жили.

Вначале мы болтали, слыша, как эхо наших голосов отдается от скал, но по мере того как продвижение становилось все более затруднительным, мы перестали разговаривать, сбегая силы. Древние разместили в пещере шмен-фе – железную дорогу, как она некогда называлась на моем языке, и металлические полосы уходили вдаль, казалось, бесконечно. Свечи давали мало света, но зато он не мигал: тут не было даже ветерка, который мог бы задуть пламя. Мы взбирались в гору, но изнутри нее.

Я удивляюсь этому, как всегда раньше. И это одна из бесчисленных загадок, оставленных нашими предками. Даже с теми замечательными машинами, которыми, мы знали, они обладали, должны были уйти многие годы, чтобы прорубить тоннель в самом сердце горы. И для чего? Чтобы построить железную дорогу, ведущую на вершину, которая всегда покрыта снегом и льдом? Я не видел в этом никакого смысла.

Они были странные и удивительные люди. Я видел руины одного из гигантских городов с широкими улицами, которые тянулись на мили, со зданиями, устремившимися к небу, с огромными магазинами, где могли бы поместиться все дома моей родной деревни и еще бы осталось место. Они легко и свободно передвигались по земле, могущество их было безмерно, почти непостижимо. И, несмотря на все это, треножники победили и поработили их. Как это случилось? Мы не знаем. Знаем только, что, кроме нас, горсточки живущих в Белых горах, люди выполняют все приказы треножников, и выполняют с радостью.

С другой стороны, способ, которым они удерживают свое господство, совершенно очевиден. Это делается благодаря шапкам, сеткам из серебристого металла, которые плотно охватывают череп и врастают в тело. Шапку надевают в четырнадцать лет, обозначая этим превращение ребенка во взрослого. Треножник забирает тебя и возвращает. Вернувшиеся, за исключением вагрантов, несвободны, они не распоряжаются своим мозгом.

Мы шли все выше и выше по тоннелю. Изредка мы отдыхали, вытянув ноги. Иногда в этих местах были отверстия, сквозь которые видны горы и холодные пустынные снежные поля, лежащие в их тени. Если бы мы знали, каким долгим и трудным будет подъем, мы бы, наверно, на него не решились, но теперь, уже зайдя так далеко, не хотели возвращаться. Изредка нам попадались разные предметы: пуговица, коробочка с надписью «Кэмел» и рисунком животного, похожего на горбатую лошадь, обрывок газеты, напечатанной на языке, который мы сейчас изучали. В обрывках речь шла о совершенно непонятных вещах. Всему этому было больше ста лет, это были реликвии мира до треножников.

Наконец мы достигли пещеры, где кончалась железная дорога. Каменные ступени вели в помещение, похожее на дворец. В огромном обшитом деревом зале сквозь большие окна мы смотрели на удивительные картины. Снежные вершины окружали долину, через которую далеко внизу текла река. Вершины ослепительно сверкали на солнце, на них больно было

смотреть. Жил ли здесь когда-то король – король, правивший миром и выбравший своим жилищем его крышу?

Но почему же королевский зал уставлен столиками и к нему примыкают кухни? Мы продолжали поиски и нашли надпись: «Отель «Юнгфрау». Я знал, что такое отель, – большая гостиница, в которой останавливались путники. Но здесь, на вершине горы? Эта мысль была еще более невероятна, чем мысль о королевском зале. Не король и его приближенные ходили по этим гулким помещениям и смотрели на вечные снега, но обычные женщины и мужчины. Действительно, странный и удивительный народ. В те дни, подумал я, все были короли и королевы.

Я смотрел вокруг. Здесь уже столетиями ничего не менялось. А для меня изменилось так много.

Нас было одиннадцать, готовившихся к первой атаке на врага. Учение было тяжелым, и физически, и умственно, но мы мало знали о своем задании и о том, как ничтожны наши шансы на успех. Дисциплина и тренировки немного увеличивали наши шансы, но нам нужны были даже самые ничтожные.

Мы – вернее, некоторые из нас, – должны были произвести разведку. Мы почти ничего не знали о треножниках, не знали даже, разумные ли это машины, или средства передвижения других разумных существ. Нужно было узнать больше, прежде чем надеяться на успех, и существовал лишь один способ получить эти знания. Кто-то из нас должен был проникнуть в город треножников, изучить их и вернуться с информацией.

План был таков. Город находится на севере, в стране, называемой Германия. Каждый год в него приносят некоторое количество только что надевших шапки, чтобы они служили треножникам. Отбирают их разными способами. Я сам был свидетелем одного способа в замке де ла Тур Роже, когда Элоиза, дочь графа, стала королевой турнира. Я пришел в ужас, узнав, что в конце своего короткого правления она станет рабыней врага, пойдет на это с радостью, считая честью.

Среди немцев каждое утро праздника проводились игры, на которые собирались молодые люди со всей земли. В честь победителей давали пир, после чего они тоже отправлялись служить в город. Мы надеялись, что на следующих играх один из нас выиграет и получит доступ в город. Мы надеялись... Что произойдет с ним потом, неизвестно. Для успеха придется целиком полагаться на себя, как в изучении треножников, так и в передаче информации. Последнее было, вероятно, труднее всего. Хотя ежегодно десятки, а может, сотни уходили в город, никто оттуда не вернулся.

И вот снег у входа в тоннель, где проходили наши тренировки, начал таять, а неделю спустя лежал лишь островками, появилась свежая трава. Небо поголубело, солнце отражалось от белоснежных вершин, и мы быстро загорели в чистом, разреженном воздухе. В перерывах мы ложились на траву и смотрели вниз. В полумиле под нами виднелись маленькие фигурки. Нам они были видны, но от тех, кто мог бы заметить их из долины, они прятались. Это был наш первый отряд, отправившийся добывать продовольствие на богатых землях людей в шапках.

Я сидел с Генри и Бинполом немного в стороне от остальных. В горах жизнь всех тесно связана. Но у нас эта связь была еще теснее. Трудности, выпавшие на нашу долю, уничтожили ревность и вражду, которые сменились подлинной дружбой. Все ребята в нашем отряде были друзьями, но отношения между нами троими все же были особыми.

Бинпол печально сказал:

– Я сегодня не взял метр семьдесят...

Говорил он по-немецки. Мы изучали этот язык и нуждались в практике. Я ответил:

– Иногда выходишь из формы. Ты еще наверстаешь.

– Но у меня с каждым днем результаты все хуже.

– А я сегодня обошел Родриго, – заметил Генри.

– У тебя все в порядке.

Генри тренировался в беге на длинные дистанции, и Родриго был его главным соперником. Бинпол упражнялся в прыжках в длину и в высоту. Я был одним из двух боксеров. Всего было четыре вида состязаний (четвертое – спринтерский бег), и они проходили в остром соперничестве. Генри хорошо шел с самого начала. Я был уверен в себе, во всяком случае, по отношению к здешнему противнику. Это был Тонио, смуглый юноша с юга, выше меня, с более длинными руками, но не такой быстрый. Бинпол же все пессимистичнее смотрел на шансы попасть в команду.

Генри успокаивал друга, говоря, что слышал, как инструкторы его хвалили. Интересно, правда ли это, или выдуманно для поддержки? Я надеялся на первое.

Я сказал:

– Я спрашивал Иоганна, принято ли решение о том, сколько нас пойдет.

Иоганн, один из наших инструкторов, приземистый мощный светловолосый человек, выглядел диким злобным быком, но в глубине души был очень добр.

– И что же он сказал?

– Он не уверен, но думает, что четверо – лучшие из каждой группы.

– Значит, трое нас и еще один, – сказал Генри.

Бинпол покачал головой:

– Мне не выйти.

– Выйдешь.

– А четвертый? – спросил я.

– Возможно, Фриц.

Это был лучший спринтер. Фриц – немец и пришел к нам из местности на северо-востоке. Главным его соперником был француз Этьен, который нравился мне больше. Этьен был веселый и говорливый, Фриц – молчаливый и угрюмый.

– Пусть кто угодно, лишь бы мы втроем прошли, – сказал я.

– Вы двое пройдете, – сказал Бинпол.

Генри вскочил на ноги.

– Свисток. Пошли, Бинпол. Пора за работу.

У старших были свои задачи. Одни тренировали нас, другие уходили с отрядами за пищей. Были и такие, кто изучал немногие книги, оставшиеся от древних, и старался заново постигнуть чудеса искусства наших предков. Бинпол, когда представлялась возможность, бывал с ними, слушал их разговоры и иногда даже высказывал свои предположения. Вскоре после нашей встречи он рассказывал – мне казались эти слова ерундой – о чем-то вроде гигантского котла, который без лошадей приводил в движение экипажи. Нечто подобное было открыто – и открыто заново – здесь, хотя и не работало пока должным образом. А планы у нас были еще грандиознее – получать свет и тепло при помощи того, что древние называли электричеством.

А во главе всех стоял один человек, он держал в своих руках все нити управления, решения его выполнялись беспрекословно. И это был Джулиус.

Ему около шестидесяти лет, он мал ростом и хром. Мальчиком он упал в расщелину и сломал бедро. Оно неправильно срослось, и он остался хромым. В те дни дела в Белых горах шли по-другому. У тех, кто там жил, была единственная цель – выжить, и число их уменьшалось. Именно Джулиус подумал о привлечении людей извне. И он верил – и заставлял верить других, что придет день, когда человек выступит против треножников и победит их.

И именно Джулиус разработал план, к выполнению которого мы сейчас готовились. И Джулиус же должен был сделать окончательный выбор.

Однажды он пришел взглянуть на нас. У него были седые голова и борода, красные щеки, как у большинства тех, кто провел всю жизнь в разреженном воздухе высот. Он опирался на палку. Я увидел его и сосредоточил все внимание на поединке, в котором участвовал. Тонио парировал мой удар левой и нанес удар правой. Я увернулся, сильно ударил его по ребрам, а затем слева ударил по челюсти, отчего он упал.

Джулиус поманил меня, и я побежал к тому месту, где он стоял. Он проговорил:

– Ты совершенствуешься, Уилл.

– Благодарю вас, сэр.

– Тебе, наверное, не терпится узнать, кто из вас примет участие в играх?

Я кивнул:

– Немного, сэр.

Он изучал меня.

– Когда треножник схватил тебя, ты помнишь то, что чувствовал? Ты боялся?

– Да, сэр.

– А мысль о том, что ты будешь в их руках, в их городе, не пугает тебя? – Я промолчал, а он продолжал: – Есть альтернатива выбора. Мы, старшие, можем оценить вашу быстроту и совершенство тела и мозга, но мы не можем читать в ваших сердцах.

– Да, – признал я, – меня это пугает.

– Можешь не идти. Ты будешь полезен и здесь. – Его бледно-голубые глаза смотрели на меня. – Никто не узнает, что ты предпочел остаться.

– Я хочу идти. Мне легче перенести мысль, что я буду в их руках, чем позор, если меня оставят.

– Хорошо. – Он улыбнулся. – И ты ведь уже убил треножника – сомневаюсь, чтобы другой человек мог похвастать этим же. Теперь мы знаем, что они не всемогущи.

– Вы хотите сказать, сэр...

– Я хочу сказать то, что сказал. Есть и другие соображения. Готовься, трудись, если хочешь быть избранным.

Позже я видел, как он говорил с Генри, и он мне ничего не сказал.

На протяжении всей зимы наша диета, хоть и сытная, была однообразна – сухое или соленое мясо, которое, что с ним ни делали, оставалось тяжелым и неаппетитным. Но в середине апреля наш отряд привел с собой шесть коров, и Джулиус решил, что одну можно зарезать и зажарить. После пира он произнес речь. Когда он проговорил уже несколько минут, я понял – и возбуждение сразу охватило меня, – что наступил момент объявления имен тех, кто делает попытку разведать город треножников.

Джулиус говорил негромко, а я с остальными ребятами находился в дальнем конце пещеры, но слова его ясно доносились до нас. Все слушали внимательно и молча. Я взглянул на Генри – он был справа от меня. Мне показалось, что он выглядит уверенным. Моя собственная уверенность быстро ослабела. Вероятно, он пойдет, а я останусь.

Сначала Джулиус говорил о плане вообще. Участников готовили несколько месяцев. У них будут определенные преимущества перед соперниками, потому что человек в высокогорье развивает сильные легкие, да и мышцы у него сильнее, чем у тех, кто живет в плотном воздухе. Но следует помнить, что соперников будут сотни, они будут лучшими бойцами страны. Может случиться так, что ни один член нашего маленького отряда не наденет чемпионский пояс. В таком случае мы повторим попытку. Терпение столь же необходимо, как и решительность.

Конечно, участники игр должны быть в шапках. Это не представляло трудности. У нас были шапки, снятые с убитых во время набегов на долины. Их можно подогнать. Они похожи на настоящие шапки, но не контролируют мозг.

Теперь подробности. Город треножников лежит в сотнях миль к северу. Большую часть этого расстояния покрывает большая река. По ней плывут торговые баржи, и одна из них принадлежит нашим людям. Она доставит участников до места, где происходят игры.

Джулиус помолчал, потом продолжил:

– Решено избрать троих из числа готовившихся. Многое принималось во внимание: индивидуальное мастерство и сила, вероятный уровень соперничества на играх, темперамент, вероятная полезность участника, если ему удастся проникнуть в город. Нелегко было сделать выбор, но необходимо.

Слегка подняв голос, Джулиус сказал:

– Встань, Уилл Паркер.

Несмотря на все свои надежды, я был ошеломлен, услышав свое имя. Когда же я встал, ноги у меня дрожали.

Джулиус сказал:

– Ты неплохо проявил себя как боксер, Уилл, и у тебя преимущество малого роста и веса. Ты тренировался с Тонио, который на играх выступал бы в более тяжелом весе, и это пошло тебе на пользу.

Сомнения наши были связаны с самим тобой. Ты нетерпелив, часто неразумен, склонен действовать сгоряча, не подумав, что произойдет потом. С этой точки зрения Тонио подошел бы больше. Но его успех на играх менее вероятен, а это пока главное. Тяжелая ответственность ляжет на тебя. Можем ли мы рассчитывать, что ты сделаешь все, чтобы преодолеть свои недостатки?

– Да, сэр.

– Садись, Уилл. Встань, Жан-Поль Дели.

Мне кажется, я больше обрадовался за Бинпола, чем когда слышал собственное имя, может, потому, что я был менее смущен и более оптимистично настроен. Итак, нас будет трое – вдвоем мы путешествовали, вдвоем сражались с треножником на склоне холма.

Джулиус сказал:

– И в твоём случае были трудности, Жан-Поль. Ты лучший из наших прыгунов, но мы не уверены, что ты достиг уровня, необходимого для победы на играх. К тому же затруднение связано с твоим зрением. Приспособление, которое ты изобрел – или же, вернее, открыл заново, потому что оно было широко употребительно среди древних, – производит впечатление эксцентричности, а эксцентричность не характерна для людей с шапками. Без этих линз ты будешь видеть хуже своих товарищей. Если тебе удастся попасть в город, ты будешь подмечать детали хуже Уилла, например.

Но зато поймешь увиденное ты лучше. Ум твой – это преимущество, которое перевешивает слабость зрения. Ты можешь оказаться самым полезным при доставке сведений. Ты принимаешь задание?

– Да, сэр.

– Остается третий, и здесь выбрать было легче всего. – Я видел, что Генри доволен собой и совсем по-детски почувствовал какое-то недовольство. Он наиболее вероятный победитель в состязаниях и наиболее подходит для следующего этапа.

– Фриц Эгер, ты согласен?

Я попытался поговорить с Генри, но тот ясно показал, что хочет остаться один. Я позже еще раз увидел его, он был мрачен и необщителен. На следующее утро я встретил его в наружной галерее.

Это было наше любимое место, где через отверстия можно было смотреть на внешний мир. В тысячах футов внизу виднелась богатая зеленая равнина с дорогами, как черные нити, с крошечными домиками, коровами с булавочную головку на миниатюрных лугах. Генри сидел у стены. Увидев меня, он отвернулся. Я неловко сказал:

– Если хочешь, чтобы я ушел...

– Не важно.

– Мне жаль.

Он вымученно улыбнулся.

– Не так, как мне.

– Если повидаться с Джулиусом... Не понимаю, почему бы не послать четверых вместо троих.

– Я уже виделся с ним.

– Надежды нет?

– Никакой. Я лучший из наших, но они думают, что у меня нет шансов на играх. Может, в следующем году.

– Не понимаю, почему не попытаться и в этом году?

– Я говорил об этом. Он ответил, что трое и так уже слишком большая группа. Легче оказаться заподозренными, да и труднее с доставкой.

С Джулиусом не спорят. Я сказал:

– Что ж, у тебя будет возможность в будущем году.

– Если он будет, этот год.

Если наша экспедиция не удастся, состоится еще только одна. Я подумал о том, что означает неудача лично для меня. Долина с полями, домами и ленточками-реками, на которую я с такой жадностью смотрел, показалась вдруг менее привлекательной. Я смотрел на нее сквозь темное отверстие, но здесь я был в безопасности.

Но даже в приступе страха я жалел Генри. Я тоже мог бы быть не избран. Не думаю, что перенес бы это так же достойно, как он.

Глава 2

Пленник в яме

Мы выступили во второй половине дня, тайно пробрались через ближайшую долину и дальше шли при луне. До восхода солнца мы не отдыхали; к этому времени мы прошли половину пути – до берега дальнего из двух озер, лежавших под нашей крепостью. Мы спрятались на склоне холма; высоко над нами сверкал белый пик, с которого мы начали свой путь. Мы устали. Поели и уснули, несмотря на жару.

Сто миль отделяло нас от того пункта на реке, где нас будет ждать «Эрлкениг». У нас был проводник – человек, знавший местность благодаря участию в набегах. Он доведет нас до баржи. Мы шли по ночам, а днем отдыхали.

Прошло несколько недель после пира и речи Джулиуса. Все это время мы продолжали готовиться, начав с того, что постригли волосы и надели специально подогнанные фальшивые шапки. Вначале было неудобно, но постепенно я привык к этому жесткому металлическому шлему. Волосы у меня уже проросли сквозь сетку, и мы были уверены, что во время игр не будем отличаться от тех, на кого надели шапки в первые недели лета. Ночью мы надевали шерстяные шапочки, иначе холод металла не давал уснуть.

Генри не было среди тех, кто нас провожал. Я понимал это. И я не пошел бы, если бы нас поменяли местами. Мне хотелось злиться на Фрица, занявшего место Генри, но я помнил, что говорил Джулиус о моей несдержанности. Помнил я и то, как негодовал из-за дружбы Бинпола и Генри во время нашего путешествия на юг и как это повлияло на меня во время пребывания в замке де ла Тур Роже.

Я решил, что больше такое не повторится, и делал особые усилия, чтобы преодолеть вражду к Фрицу. Но он не отвечал на мои попытки, оставаясь молчаливым и замкнутым. Видя это, я еще больше готов был невзлюбить его. Но мне удалось подавить свое раздражение. Хорошо, что с нами был Бинпол. Обычно, когда обстоятельства позволяли, мы с ним разговаривали. Наш проводник Примо, смуглый, внешне неуклюжий, но на самом деле удивительно ловкий человек, говорил немного, кроме необходимых предупреждений и указаний.

Нам была дана неделя на то, чтобы добраться до баржи, но мы покрыли это расстояние за три-четыре дня. Мы шли по вершине гряды, огибая развалины одного из огромных городов. Он расположен на изгибе реки, которая была нашей целью. Река течет с востока, и раннее утреннее солнце сверкает на ее поверхности, потом она поворачивает и устремляется на север. Две баржи шли вниз по течению, примерно с дюжину были пришвартованы в гавани небольшого островка.

Примо указал вниз.

– Одна из них – «Эрлкениг». Сможете спуститься сами?

Мы уверили его, что сможем.

– Тогда я возвращаюсь. – Он кивнул. – И удачи вам всем.

«Эрлкениг» оказался одной из самых маленьких барж, примерно пятидесяти футов в длину. Ничего в нем не было особенного – длинное низкое сооружение, всего на несколько футов возвышающееся над водой, с навесом на носу, который давал некоторую защиту от непогоды. Экипаж состоял из двух человек, оба с фальшивыми шапками. Старшего из них звали Ульф. Это был приземистый, с бочкообразной грудью человек около сорока лет, с грубыми манерами и привычкой постоянно сплевывать. Он мне не понравился, особенно когда он сделал насмешливое замечание по поводу хрупкости моего тела. Его товарищ Мориц был лет на десять моложе и, я думаю, в десять раз приятнее. У него были красивые волосы, тон-

кое лицо и теплая улыбка. Но не было сомнений в том, кто из них хозяин: Мориц автоматически подчинялся Ульфу. И именно Ульф, сплевывая и бранясь через довольно регулярные интервалы, давал нам указания на время пути.

— У нас баржа с экипажем из двух человек, — сказал он нам. — Один лишний мальчишка — это ничего, он сойдет за ученика. Но если их больше, привлечет внимание, а нам это не нужно. Поэтому вы по очереди будете работать на палубе — и когда я говорю «работать», я именно это и имею в виду, — а остальные двое будут лежать в трюме и не выйдут, даже если баржа перевернется. Вам говорили о необходимости дисциплины, так что я не буду повторяться, хочу сказать только: я выкину всякого, кто вызовет неприятности, и независимо от причины.

Я знаю, какая работа вам предстоит, и надеюсь, что вы ее выполните. Но если вы не сможете вести себя разумно и по пути повиноваться приказам, значит, из вас не будет толку и потом. Поэтому я, не задумываясь, выполню свое обещание. А поскольку мне не нужно, чтобы он остался в гавани и люди начали задавать ему вопросы, я скорее всего привяжу ему железо к ногам и брошу в воду.

Он откашлялся, сплюнул и хмыкнул. Вероятно, последнее замечание должно сойти за шутку. Но я не был уверен в этом. Он выглядел вполне способным выполнить угрозу.

Он продолжал:

— Вы пришли рано, и это, конечно, лучше, чем прийти поздно. Нам нужно еще погрузиться, и, во всяком случае, известно, что мы не тронемся еще три дня. Мы можем выйти на день раньше, но не более. Итак, первой паре придется два дня просидеть внизу, прежде чем снова увидеть небо. Хотите бросить жребий?

Я посмотрел на Бинпола. Два дня на палубе, конечно, лучше двух дней в трюме. Но тогда была возможность потом провести в заключении два дня с молчаливым Фрицем. Бинпол, который, по-видимому, пришел к такому же заключению, сказал:

— Мы с Уиллом пойдем вниз.

Ульф взглянул на меня, я кивнул. Хозяин баржи сказал:

— Как хотите. Покажи им койки, Мориц.

Когда мы спускались с холма, Бинпол занимало, как баржи движутся. У них не было парусов, да те мало помогали бы на реке. Конечно, они легко могли идти вниз по течению, но как они движутся обратно вверх? Подойдя ближе, мы увидели по бокам барж колеса с планками. Бинпол был возбужден мыслью, что, может быть, тут с древних времен сохранились и машины.

Ответ оказался обескураживающим. Каждое колесо имело внутри привод, который при плавании против течения двигал осел. Приученные к этой работе с юности, ослы равномерно шли вперед, их усилия передавались колесу и двигали баржу по воде. Их жизнь казалась мне тяжелой и скучной, и мне было их жаль, но Мориц, который любил животных, хорошо смотрел за ними. В плавании вниз по реке они работали мало и паслись, где только представлялась возможность. И теперь они в поле, недалеко от речного берега, и останутся там до отплытия «Эрлкенига». Пока их не привели на борт, мы с Бинполом оставались в их маленьких стойлах, где запах ослов и сена смешивался с запахом старых грузов.

На этот раз грузом служили деревянные часы и резные украшения. Их делали жители большого леса на востоке, а теперь их повезут вниз по реке для продажи. Их нужно было грузить осторожно из-за хрупкости, и на борт пришли приглядывать за этим владельцы. Мы с Бинполом прятались за тюками сена, которое держали для ослов, и старались не шуметь. Однажды я не удержался и чихнул, но, к счастью, люди в это время громко смеялись и ничего не слышали.

Но все же это было облегчение, когда прошли два дня и баржа рано утром двинулась по реке. Ослы тянули привод — двое работали, а один отдыхал, а мы с Бинполом бросили

жребий, кому сменять Фрица на палубе. Повезло мне, и я вышел на палубу. Был сумрачный ветреный день, часто шел дождь. Но воздух был легким и свежим, особенно после заточения внизу, и так много можно видеть на реке и по берегам. На запад лежала обширная плодородная равнина, где на полях работали люди. На востоке поднимались холмы, над их вершинами висели темные тучи. Впрочем, у меня было немного времени, чтобы восхищаться картиной. Ульф позвал меня и дал ведро и швабру с горстью мягкого желтого мыла. Палуба, как он справедливо отметил, не убиралась несколько недель. Я принесу пользу, исправив это.

«Эрлкениг» двигался ровно, но не быстро. К вечеру мы причалили к длинному острову, где уже стояла одна баржа. Это был один из многих остановочных пунктов вдоль всей пятисотмильной реки. Мориц объяснил мне, что они расположены на расстоянии дневного перехода друг от друга. Вниз по течению обычно легко проходили два таких отрезка за день, но на третьем рисковали очутиться в темноте. Баржи не плыли по ночам.

На всем пути к реке мы ни разу не видели треножников. За один день на палубе я видел два. Оба в отдалении шагали на западном горизонте, по крайней мере в трех-четыре милиях. Один их вид заставил меня вздрогнуть от страха, который мне пришлось подавлять. Можно на время забыть об окончательной цели нашего пути, но их вид напомнил мне о ней.

Я старался успокоить себя тем, что до сих пор все шло хорошо, мы не встретили никаких препятствий. Это помогало мало, но к следующему вечеру даже этого небольшого утешения не стало.

«Эрлкениг» остановился в небольшом торговом городке. Мориц сказал, что у Ульфа здесь какое-то дело. Оно должно было занять не больше часа, но он решил, поскольку мы и так идем раньше намеченного, задержаться здесь до следующего утра. Наступил полдень, но Ульф не возвращался. И Мориц все заметнее нервничал.

В конце концов он высказал свои сомнения. Ульф, случалось, напивался. Мориц считал, что в этой поездке он так не сделает, учитывая всю ответственность нашего поручения, но если дело, которое он должен был завершить, не вышло, он мог рассердиться, зайти в таверну, рассчитывая немного выпить, чтобы успокоиться, но один стакан тянет за собой другой. Запив, он мог отсутствовать несколько дней.

Эта мысль обескураживала. Садилось солнце, а Ульфа не было. Мориц начал говорить о том, что он оставит нас на барже, а сам пойдет искать его.

Трудность заключалась в том, что «Эрлкениг», Ульф и Мориц были хорошо известны в городе. Постоянно к барже подходили люди поздороваться и поболтать. Если Мориц уйдет, с ними придется иметь дело Бинполу (был его день на палубе), и Мориц из-за этого беспокоился. Могли возникнуть подозрения. Вряд ли Бинпол подходил для нового ученика. Люди на реке любопытны, хорошо знают друг друга, и Бинпол мог сказать что-нибудь такое, что сразу бы выдало его.

Бинпол предложил другой выход. Мы можем поискать Ульфа. Выбрав момент, когда поблизости никого не будет, мы выскользнем с баржи и побродим по тавернам, пока не найдем его. Тогда мы либо уговорим его вернуться, либо по крайней мере скажем Морицу, где он. Если нас станут расспрашивать, мы выдадим себя за пришельцев из дальних районов: в конце концов, город же торговый. Это не то же самое, что отвечать на вопросы, как мы оказались на борту «Эрлкенига».

Мориц колебался, но согласился, что в этом есть смысл. Постепенно он позволил нам убедить себя. Конечно, втроем мы не можем искать Ульфа, но один может – Бинпол, поскольку это была его идея. Бинпол ушел, и я тут же начал убеждать Морица отпустить и меня.

Мне помогло то, что моей настойчивости сопутствовало равнодушное молчание Фрица. Он не делал никаких замечаний и ясно показывал, что собирается ждать, пока дела сами собой, без его помощи, придут в порядок. Я знал, что уговорю Морица, он был гораздо

дружелюбнее Ульфа, но и гораздо менее самоуверен. Он сказал, что я должен вернуться через час, найду Ульфа или же нет, и я согласился. Я дрожал от возбуждения: мне предстояло оказаться в незнакомом городе чужой страны. Я убедился, что никто не следит за баржей, быстро прыгнул на причал и пошел.

Город оказался больше, чем я думал, глядя на него с борта баржи. К реке выходил ряд складов и амбаров, многие в три этажа. Часть зданий была каменная, но больше деревянные, дерево резное и расписанное фигурами людей и животных. Поблизости находилось несколько таверн, и я быстро пробежался по ним, хотя Бинпол, очевидно, уж побывал здесь. В одной сидели за большими кружками два старика и курили трубки. А в другой была дюжина посетителей, но я тут же увидел, что среди них нет Ульфа.

Я вышел на дорогу, которая под прямым углом уходила от реки, и пошел по ней. Тут располагались магазины, двигались экипажи и всадники. Людей было множество. Я понял почему, когда пришел к первому перекрестку: поперечная улица в обоих направлениях была перекрыта столами, за которыми продавали пищу, одежду и другие товары. В городе был торговый день.

Как интересно после долгой зимы, проведенной в темном тоннеле в горах, оказаться снова среди множества людей, занятых повседневными делами. И особенно интересно для меня. Ведь до побега к Белым горам я знал лишь спокойствие деревенской жизни. Несколько раз я бывал в Винчестере на рынке. Этот город был, вероятно, больше Винчестера.

Я прошел мимо рядов. На первом были навалены груды овощей: морковь и картошка, толстые бело-зеленые стебли спаржи, горох, большие кочаны капусты, белой и цветной. Во втором продавали мясо – и не просто куски, какие мясник привозил к нам в деревню, а ноги, челюсти, внутренности. Я бродил, глаза и приносясь. Один ряд был целиком отдан сыру десятков различных оттенков и цветов, форм и размеров. Я и не знал, что их может быть так много. А рыбный ряд с сушеной и копченой рыбой, свисающей с крюков, со свежей рыбой, только что пойманной и уложенной на каменные плиты, с еще влажной чешуей! С приближением темноты некоторые киоски закрывались, но многие еще торговали, и людей было множество.

Между двумя киосками – в одном торговали кожей, в другом свертками тканей – я увидел вход в таверну и виновато вспомнил о том, что мне полагалось делать. Я вошел и осмотрелся. Там было темнее, чем в предыдущих тавернах, помещение было заполнено табачным дымом и едва видимыми фигурами, некоторые сидели за столиками, другие стояли у прилавка. Когда я подошел, чтобы всмотреться повнимательнее, меня окликнули из-за прилавка. Говоривший оказался высоким толстым человеком в кожаном переднике. Грубым голосом, с акцентом, который я с трудом понимал, он спросил:

– Что тебе, парень?

Мориц дал мне несколько местных монет. Я сделал то, что мне казалось самым разумным: заказал кружку темного эля – обычный здешний напиток. Кружка оказалась больше, чем я ожидал. Он принес мне кружку с пеной по краям, и я дал ему монету. У пива был горьковатый вкус, впрочем, не неприятный. Я осмотрелся в поисках Ульфа, вглядываясь в темные углы, где на деревянных стенах висели головы оленей и диких кабанов. На мгновение мне показалось, что я его вижу, но человек передвинулся в более светлое место. Это был не Ульф.

Я начал нервничать. С шапкой меня признавали мужчиной, поэтому я вполне мог находиться здесь. Но мне не хватало уверенности тех, у кого были настоящие шапки, и я, конечно, сознавал свое отличное от остальных положение. Установив, что Ульфа здесь нет, я хотел уйти побыстрее. Как можно незаметнее я поставил кружку и начал продвигаться к улице. Не успел я сделать и двух шагов, как человек в кожаном переднике окликнул меня. Я обернулся.

– Эй! – Он протягивал несколько мелких монет. – Ты забыл сдачу.

Я поблагодарил его и хотел идти дальше. Но тут он увидел, что моя кружка на две трети полна.

– Ты не допил свой эль. Тебе он не понравился?

Я торопливо сказал, что эль понравился, просто я не очень хорошо себя чувствую. К своему отчаянию я увидел, что посетители начали проявлять ко мне интерес. Человек за прилавком отчасти, казалось, смягчился, но сказал:

– Ты не вюртембуржец, говоришь не так. Откуда ты?

На это у меня был готов ответ. Мы должны были называть себя приезжими из отдаленных мест. В моем случае это была местность на юге, называемая Тироль. Я так и сказал.

Что касается возможных подозрений, то это подействовало. С другой точки зрения, выбор оказался неудачен. Позже я узнал, что в городе были сильные антитиролевские настроения. В прошлом году на играх тиролец победил местного чемпиона и, как утверждали, победил нечестно. Один из посетителей спросил, отправляюсь ли я на игры, и я, ничего не подозревая, ответил, что да. Последовал поток оскорблений... Тиролецы все лгуны и воры, они презирают добрый вюртембургский эль. Их нужно выгнать из города, выкупать в реке, чтобы немного очистить...

Нужно было убираться, и побыстрее. Я проглотил оскорбления и пошел. Снаружи я затерялся бы в толпе. Думая об этом, я не смотрел себе под ноги. Из-под одного столика протянулась нога, и под аккомпанемент общего хохота я растянулся на опилках, которыми был посыпан пол.

Даже это я готов был вынести, хотя при падении больно ушиб колено. Я начал вставать, но в этот момент кто-то ухватил меня за волосы, проросшие сквозь шапку, затряс яростно и ударил о землю.

Нужно быть благодарным, что при этом у меня не свалилась фальшивая шапка. Нужно было думать только об одном – о возможности благополучно уйти и добраться до баржи. Но боюсь, что в тот момент я не мог думать ни о чем, кроме боли и унижения. Я встал, увидел перед собой ухмыляющееся лицо и размахнулся.

Мой противник был примерно на год старше меня и гораздо тяжелее. Он презрительно отразил мою атаку. Не сознавая, как глупо я себя веду, я использовал то, чему меня научили во время долгих тренировок. Я поднырнул под его руку и нанес ему сильнейший удар в грудь. Теперь была его очередь упасть, и люди, стоявшие вокруг нас, взревели. Мой противник медленно встал, его лицо было искажено гневом. Остальные образовали круг и раздвинули столы. Я понял, что боя не избежать. Я не боялся, но понимал собственную глупость. Джулиус предупреждал меня о моей несдержанности, и вот, спустя всего неделю после начала важнейшего дела, эта несдержанность подвела меня.

Он двинулся на меня, и я снова сосредоточился на настоящем. Я увернулся и сбоку ударил его. Хотя он и был тяжелее меня, ему не хватало умения. Я мог сколько угодно плясать вокруг него, нанося удары. Но этого нельзя было делать. Нужен один решающий удар. Со всех точек зрения, чем скорее это кончится, тем лучше.

Поэтому, когда он в следующий раз атаковал меня, я отразил удар левым плечом и сам сильно ударил его в уязвимое место под ребрами. Я вложил всю свою силу в этот хук. Глотая воздух, он непроизвольно пошел головой вперед. От второго моего удара он еще быстрее двинулся, но уже назад и ударился об пол. Зрители молчали. Я поглядел на лежащего противника и, видя, что он и не собирается вставать, направился к двери, ожидая, что кольцо зрителей расступится и меня выпустят.

Но этого не случилось. Они продолжали молча и неподвижно смотреть на меня. Один из них наклонился над лежащим. Он сказал:

– Удар в голову. Он может быть серьезно ранен.

– Нужно вызвать полицию, – заметил кто-то другой.

Несколько часов спустя я смотрел на звезды, ярко горевшие на чистом черном небе. Я был голоден, замерз. Но больше всего я был недоволен собой. Я был пленником в яме.

Член магистрата, который допрашивал меня, проявил вопиющую несправедливость. Мой противник оказался его племянником и сыном богатейшего купца в городе. Ясно было, что я спровоцировал его, унижительно отозвавшись о вюртембуржцах, и ударил, когда он не смотрел на меня. Это совершенно не соответствовало случившемуся в действительности, но большинство свидетелей подтвердили эту версию. Правда, нужно сказать, что моего противника среди них не было: он все еще не пришел в себя после удара головой об пол. Меня предупредили о том, что, если он не поправится, меня повесят. А тем временем я был приговорен к заключению в яме до городского праздника.

Именно в этот день и производилось наказание преступников. Яма оказалась круглой, примерно пятнадцати футов в диаметре и такой же глубины. Дно и стены вымощены камнем. Гладкие стены не давали возможности выбраться, а сверху торчали остриями внутрь железные прутья, которые вообще делали невозможным побег. Меня бросили сквозь них, как мешок картошки, и оставили. Мне не дали еды, мне нечем было укрыться на ночь, которая оказалась очень холодной. При падении я разбил локоть и ободрал руку.

Но по-настоящему веселье, как с удовлетворением сказали мне, начнется завтра. Яму содержали отчасти для наказания, отчасти для развлечения жителей. В их обычае было бросать в несчастных пленников все, что подвернется под руку. Предпочитали обычно гнилые овощи, комки грязи, помои и тому подобное, но если они сердились по-настоящему, то могли использовать камни, поленья и разбитые бутылки. В прошлом бывало, что пленников тяжело ранили или даже убивали. Они ожидали получить завтра большое удовольствие и не преминули сообщить мне об этом.

Хорошо еще, что небо оставалось ясным. Тут не было защиты от дождя. У стены стояло корыто с водой. Хотя я и хотел пить, но не настолько: света было достаточно, чтобы разглядеть зеленую слизь по краям корыта. Пленникам не давали еды. Достаточно проголодавшись, они могли есть гнилые отбросы, кости, черствый хлеб и все прочее, чем в них швыряли. Это тоже считалось развлечением.

Какой я все же дурак! Дрожа, я ругал себя за глупость.

Ночь тянулась медленно. Я несколько раз ложился, свернувшись клубком, и пытался уснуть. Но было так холодно, что я должен был встать и походить, чтобы восстановить кровообращение. Я ждал наступления дня и боялся его. Что случилось с остальными? Вернулись ли Ульф? Я не надеялся на его вмешательство. Его хорошо знали в этом городе, но он не мог пойти на риск и признать свою связь со мной. Завтра они уплывут вниз по реке и оставят меня здесь. Что еще они могут сделать?

Широкий круг неба надо мной посветлел, и я смог определить, где восток, по начинающемуся рассвету. Для разнообразия я сел спиной к стене. Усталость, несмотря на холод, надвинулась на меня. Голова опустилась на грудь. Потом какой-то звук сверху заставил меня очнуться. Я увидел чью-то голову. Кому-то не терпится добраться до жертвы, сонно подумал я. Скоро начнется забава.

И тут я услышал негромкий голос:

— Уилл, как ты там?

Голос Бинпола.

Он принес с баржи веревку. Вытянувшись, он привязал ее к одному из железных прутьев и бросил мне другой конец. Я схватил его и подтянулся. Трудно было пробраться сквозь прутья, но Бинпол помог мне. Через несколько секунд я перевалил через край ямы.

Мы не стали тратить время на разговоры. Яма находилась на окраине города. Сам город, еще спящий, но уже озаренный рассветом, отделял нас от реки и от «Эрлкенига». У

меня сохранились лишь смутные воспоминания, как меня привели сюда, но Бинпол бежал уверенно, и я следовал за ним.

Нам потребовалось лишь десять минут, чтобы добраться до реки, и мы видели только одного человека в отдалении. Он что-то закричал нам, но не сделал попытки нас преследовать. Я понял, что Бинпол хорошо рассчитал время. Мы миновали улицу, где был рынок. Еще пятьдесят ярдов, и мы будем в гавани.

Мы добежали до нее и повернули налево. Сразу за таверной, рядом с баржей, которая называлась «Зигфрид», я остановился как вкопанный, и Бинпол сделал то же. Да, «Зигфрид» был на месте, но следующий кнехт оказался пустым.

Бинпол потянул меня за рукав. Я посмотрел, куда он показывал, – на север. В четверти мили от нас посредине реки «Эрлкениг» направлялся вниз по течению – крошечная лодка, быстро уменьшавшаяся на расстоянии.

Глава 3

Плот на реке

Первой нашей задачей было уйти подальше, пока не стало известно о моем побеге из ямы. Мы прошли несколько кварталов, застроенных хижинами, совсем не похожими на крашенные резные дома в центре города, и вышли на дорогу, которая шла вдоль берега реки. Справа из-за лесистых холмов поднялось солнце. С угрожающей быстротой формировались облака. Через полчаса они затянули все небо и закрыли солнце, а еще четверть часа спустя в лицо нам ударил дождь. Пять минут спустя, уже абсолютно промокнув, мы нашли убежище в разрушенном здании в стороне от дороги. Тут у нас было время подумать о случившемся и о том, что делать дальше.

По пути Бинпол рассказал, что было с ним. Он не нашел Ульфа, но когда вернулся на баржу, Ульф уже был там. Он был пьян, но это не улучшило его характера. Он разъярился на меня и Бинпола за то, что мы ушли в город. Он решил, что мы вдвоем проведем оставшуюся часть пути под палубными досками. А Фриц, очевидно, единственный, на кого можно рассчитывать, в ком есть разум.

Шло время, я не возвращался, и гнев Ульфа усиливался. Вечером пришел один его знакомый и рассказал о молодом тирольтце, который затеял драку в таверне и был приговорен к яме. Когда этот человек ушел, Ульф заговорил с холодным гневом и нетерпением. Моя глупость поставила все под угрозу. Я не только не гожусь для дела, но являюсь просто помехой. Он не станет ждать и не будет пытаться освободить меня утром. «Эрлкениг» продолжит путешествие. В играх будет два участника вместо трех. А что касается меня, то я могу оставаться в яме и сгнить в ней.

Хотя Бинпол не говорил мне об этом, но он решил, что Ульф жесток и несправедлив. Мы находились в его распоряжении и должны были повиноваться всем его приказам. Больше того, в его словах был определенный смысл. Прежде всего дело, а не личности. Задача Бинпола – как можно лучше выступить в играх, добиться доступа в город треножников и добыть информацию, которая поможет уничтожить их. Только это и было важно.

Но Бинпол расспросил Морица о яме: что это такое, где она помещается. Не знаю, то ли Мориц не понял, к чему направлены эти вопросы, то ли понял и одобрил. Я думаю, он был слишком мягким человеком для работы, которая требует суровости. Во всяком случае, Бинпол узнал все, что ему было нужно, на рассвете взял веревку и отправился искать меня. По-видимому, Ульф слышал, как он уходил, и либо в гневе, либо холодно и логично рассудил, что нужно спасти единственного достойного члена трио от возникающих подозрений и расприсов.

И вот мы оказались на мели в сотнях миль от цели.

* * *

Дождь прекратился так же внезапно, как и начался, и сменился горячим солнцем, в лучах которого наша влажная одежда начала парить. Менее часа спустя мы снова вымокли; на этот раз убежища вообще не было, ливень вымочил нас до костей. И так продолжалось весь день. Мы мокли, мерзли и все время сознавали – особенно я, – в какую историю попали.

К тому же мы были голодны. Со вчерашнего обеда я ничего не ел, и как только возбуждение от спасения и бегства спало, я почувствовал жестокий голод. У нас оставалось еще немного денег, но негде было истратить их, а мы не хотели ждать, когда в городе откроются магазины. Мы шли по лугам, где паслись коровы. Я предложил подоить одну и с помощью

Бинпола загнал ее в угол поля. Она сопротивлялась моим неуклюжим и неумелым попыткам, вырвалась и убежала. Пытаться снова казалось бесполезным.

Спустя несколько часов мы увидели поле репы. Поблизости виднелся дом, но мы рискнули нарвать ее немного. Репа оказалась мелкой и горькой, но все же ее можно было жевать. Снова пошел дождь и на этот раз продолжался без перерыва больше часа.

Мы нашли развалины, в которых решили провести ночь. Других источников пищи мы не встретили и жевали траву в попытках унять голод. Это оказалось бесполезно, и к тому же у нас разболелись животы. И, конечно, одежда оставалась мокрой. Мы пытались уснуть, но безуспешно. Когда же ночь начала сереть, усталые и невыспавшиеся, мы пошли дальше.

День, хоть и без дождя, выдался облачным и холодным. Река, широкая и могучая, текла рядом, мы видели плывущую вниз баржу, и нам показалось, что до нас долетел аромат жареной свинины. Вскоре нам встретилась небольшая деревушка. Бинпол хотел притвориться вагрантом, надеясь получить пищу. Я предложил заменить его, но он сказал, что это его идея и я не должен показываться. Я спрятался за изгородью и ждал.

В моей родной деревне был дом вагрантов, в котором останавливались эти бедные блуждающие безумцы. Там им давали еду и белье, стирали и чинили их одежду. Бинпол говорил мне, что в его стране ничего подобного нет. Вагранты спали где придется – в сараях, если повезет, или в развалинах. Они выпрашивали пищу у дверей, и ее давали им с различной щедростью.

Мы полагали, что-нибудь подобное может существовать и здесь. В деревне было с полдюжины домов, и я видел, как Бинпол подошел к первому и постучал. Дверь не открыли; позже он рассказал мне, что голос изнутри велел ему убираться, добавив проклятие. У второй двери вообще не было ответа. В третьем доме открылось окно, и на него в сопровождении хохота выплеснули ведро грязной воды. Когда же он, еще более мокрый, пошел дальше, дверь отворилась. Он обернулся, готовясь перенести унижение, если есть надежда получить пищу, и побежал. На него спустили огромного свирепого пса. Собака гнала его почти до того места, где лежал я, а потом стояла и лаяла ему вслед.

В полумиле дальше мы нашли картофельное поле. Картошка была маленькая и, конечно, вареная она вкуснее. Но у нас не было возможности развести костер. Мы тащились вперед и, когда наступил вечер, увидели у берега баржу. Я думаю, одна и та же мысль пришла нам в голову: это «Эрлкениг»; по какой-то причине Ульф задержался, и мы можем присоединиться к ним. Это была весьма нелепая надежда, но все же разочарование оказалось горьким. Баржа была большая, и шла она вверх по течению, а не вниз. Мы ушли от реки.

Позже мы снова вышли на берег и сидели, дрожа, в хижине с обвалившейся крышей. Мы молчали. Не думал ли Бинпол, что, если бы не я, он сейчас в тепле и безопасности плыл бы на барже?

Но Бинпол сказал:

– Уилл.

– Да.

– Там, где стояла баржа, была пристань и несколько домов. Должно быть, это остановочный пункт.

– Может быть.

– Первый, который мы миновали после выхода из города. Я подумал об этом.

– Да, это так.

– Ульф предполагал проходить два пункта за день, двигаясь не очень быстро. Значит, за два дня...

За два дня мы прошли расстояние, которое баржа проходит за утро, хотя мы шли с рассвета дотемна. Я ничего не сказал.

Бинпол продолжал:

– Планировалось, что мы прибудем за три дня до начала игр. Путь должен был занять пять дней. А так нам потребуется двадцать дней. Игры начнутся до нашего прибытия.

– Да. – Я старался унять дрожь. – Ты думаешь, нам придется вернуться?

– В тоннель? Мне не хочется думать, что нам скажет там Джулиус.

Мне тоже этого не хотелось, но я не знал, что еще мы можем сделать.

Бинпол сказал:

– Мы должны двигаться быстрее. Есть река.

– Мы не смеем приблизиться к баржам. Ты знаешь, что нам сказали об этом. К незнакомцам тут относятся подозрительно и никогда не пускают на борт.

– Если бы у нас была своя лодка...

– Неплохо бы, – сказал я без сарказма. – Или бы вдоль реки шло шмен-фе.

Бинпол терпеливо проговорил:

– Лодка – или плот? Стена хижины, может быть? Она и так отпала. Если мы сможем оторвать ее и спустить в воду... течение понесет нас вдвое быстрее.

Я почувствовал неожиданный прилив надежды, которая на мгновение позволила мне забыть холод и ноющую пустоту в желудке. Это возможно. Давным-давно мальчишкой я помогал своему двоюродному брату Джеку строить плот, и мы плавали на нем по пруду. Он перевернулся, и мы оказались в воде и тине. Тогда мы были детьми. Но сейчас положение другое.

– Ты думаешь, мы сможем... – сказал я.

– Утром, – ответил Бинпол. – Попробуем утром.

День, как бы для того чтобы подбодрить нас, был ясный. При первом свете мы принялись за работу. Сначала она оказалась ободряюще легкой, а потом обескураживающе трудной; стена, о которой говорил Бинпол, была площадью примерно в шесть квадратных футов и почти отделилась от крыши. Мы завершили это отделение и высвободили бока. Осталось только нажать. Стена обрушилась... и раскололась на несколько частей.

Надо, сказал Бинпол, скрепить их перекрестными планками. Доски будем брать из других стен. Придется вытаскивать гвозди, распрямлять их и снова забивать, где понадобится. Говорил он со спокойной убежденностью.

Беда в том, что большинство гвоздей было не только изогнуто, но проржавело, и они ломались иногда от легкого нажима. Нам приходилось отыскивать сравнительно сохранившиеся, осторожно распрямлять их и прибивать ими доски. Конечно, молотка у нас не было. Мы пользовались камнями с ровной поверхностью. Бинпол отыскал хороший камень и отдал мне, так как, сказал он, я лучше смогу его использовать. Это верно. У меня всегда были умелые руки – боюсь, более умные, чем голова.

Работа была тяжелой и долгой. К концу мы вспотели, а солнце уже высоко стояло в небе. Оставалось тащить плот в воду, но это тоже было нелегко. Хижина находилась примерно в пятидесяти футах от воды, а земля была неровной. Поднять плот мы не могли, он был слишком тяжел, и нам пришлось тащить и толкать его, время от времени отдыхая между усилиями. Однажды, когда на пути попались колючие кусты, я готов был сдаться и в гневе пнул доски. Бинпол вытащил плот из кустов. Вскоре мы добрались до берега и без сил упали на песок. И снова благодаря Бинполу нам повезло: он наткнулся на гнездо какой-то водной птицы. Мы съели четыре яйца сырыми, облизали скорлупу и взялись за последнюю часть работы. Бинпол тащил с одной стороны, а я – с другой. Плот зловеще закрипел, я увидел, как зашатался гвоздь, но все же плот коснулся воды и поплыл. Мы взобрались на него и оттолкнулись от берега.

Путешествие не было триумфальным. Течение подхватило нас, повернуло и понесло вниз. Но под нашим весом один угол плота ушел под воду. Впрочем, из-за каких-то капризов равновесия поверхность плота ушла под воду лишь на несколько дюймов. Мы по очереди

сидели в воде и на сравнительно сухом конце. Вода была холодна, ведь речка питается тающим снегом в горах.

Но мы по крайней мере продвигались быстрее, чем по суше. Берега проплывали мимо. И погода держалась хорошая... Солнце сияло в небе, голубизна которого отражалась в гладкой поверхности, по которой мы двигались. Бинпол окликнул меня и указал: на западе через поля огромными скачками шел треножник. Я почувствовал некоторое удовлетворение от этого зрелища. Хотя мы и малы сравнительно с ним, но нам предстоит сражаться.

Когда я в следующий раз увидел треножника, мне было не до таких рассуждений.

Час спустя мы миновали баржу. Она шла вверх по течению, и поэтому встреча была короткой. Человек на палубе с любопытством смотрел на нас и задал какой-то вопрос, который мы не расслышали. Должно быть, мы представляли странное зрелище, плывя на своем диком сооружении.

Голод не был утолен четырьмя яйцами и становился все сильнее и сильнее. Мы видели поля, которые как будто могли дать нам пищу, но тут нам стала ясна одна особенность нашего плота: мы не могли управлять им. У нас было несколько досок, но они лишь могли отталкивать плот от препятствий. Я понял, что нам придется положиться на течение, и добраться до берега мы можем, лишь покинув плот и пустившись вплавь. Мы находились теперь далеко от берега, а течение было сильное; нужно быть хорошим пловцом, чтобы добраться до берега. Тем временем поля сменились террасами с ровными рядами виноградных лоз. Здесь пищи не было. Плоды винограда в это время еще зелены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.